

SKLENĚNÝ MŮSTEK 2014

Իգյօրց
Երեւան

HOMO

NOVUS

EXTREMUS

Эдуард Тубакин

Homo novus extremus

**SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2014**

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Эдуард Тубакин 2014

© Skleněný můstek s.r.o. 2014

ISBN 978-80-87940-76-1

Содержание

Глава 1. Фантомные боли

Глава 2. Теплый угол

Глава 3. Первый опыт

Глава 4. Лирическая

Глава 5. Посох

Глава 6. Чебай*

Глава 7. Карантин

Глава 8. Приближение

Глава 9. Господин осведомитель

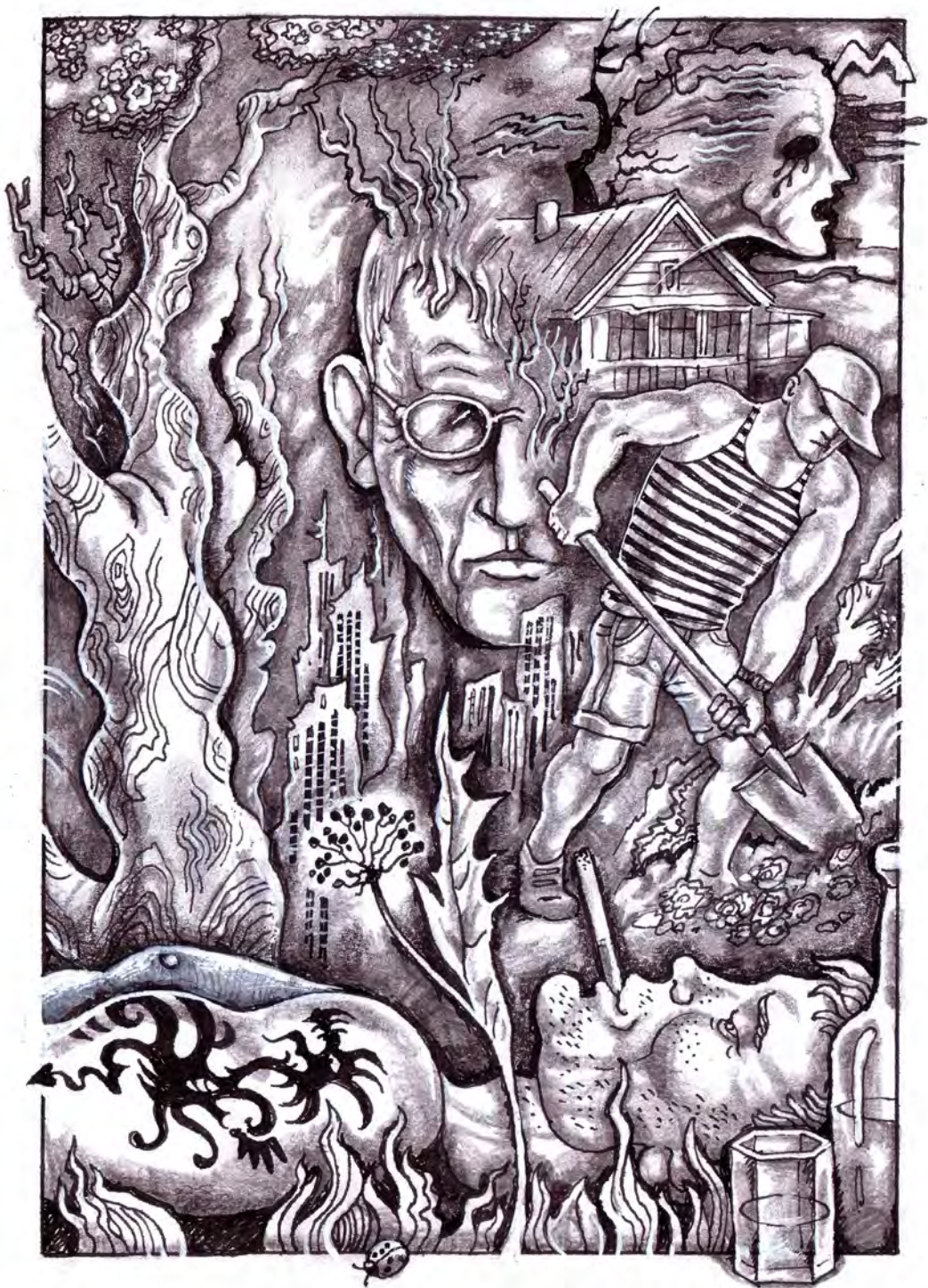
Глава 10. Офис

Глава 11. Копальхем

Глава 12. Холостой прогон

Глава 13. Минус один

Глава 14. Месть мертвеца

Номо новус extremus*

Глава 1. Фантомные боли

На плакате формата А2 полыхали башни-близнецы. В семь часов утра отворял очи, взгляд вместе с угнанным самолетом, врезывался в стену прямо перед собой. Повесил, чтобы не сбиться с откалиброванного спортивным режимом биоритма и цель в жизни не забыть. Какова она, никому неизвестно, но непреложна, объективна так же, как, допустим, таблица умножения на обложке школьной тетради.

В пионерском лагере майку носил с иностранными словами. Помнит окончание фразы: ...sinn fein!**

– Сними по-хорошему, – советовала ему вожатая, – они ж, империалисты, умное не напишут, наверняка, пошло-матерное.

По-хорошему не снял. Дружок ее, с твердыми кулаками тряпку присвоил.

Возразите: сейчас, мол, таблиц и песен на обратной стороне не публикуют, школьные принадлежности выпускают с различными иностранными словами, а ругательные они или нет, зависит от трудностей перевода. Если отыскать именно ту, старую тетрадь в клетку с промокашкой на первой странице, то и цель – та, что надо. Умножать или делить, каждому решать самому. Тетрадь сберег. До тридцати лет делил и традицию решил не нарушать. С годами, когда при делении целое число не получалось, после запятой оставлял все больше значений.

Вокруг жизнь хирела. Раздавались взрывы в людных местах, правоохранительные органы обещали наказать, по разные стороны мо-

ниторов искренне негодовали, на глухих, московских, кривых улочках забивали насмерть инородцев. Яша был отстранен от реалий. Накручивал на мизинец георгиевскую ленту. Свои бы он спланировал более тщательно, издох бы тот, кому надо издохнуть. Скоро прогремят.

В часы пик жажда разрушений усиливалась. Электричка угрохатывала отражение, возвращала следующим составом в окна: всхлунувшее, с удлинненными передними конечностями (костюмы не сидели по фигуре, приходилось шить на заказ), изготовленным к охоте за последним вагоном.

Родинка, по форме шляпка гриба с черной точкой на вершине вызвала в руках зуд. Неужели не чувствует? Женщина, дайте пройти! Опоздал, подожду. Бывает лысину чужую, зазывно блестящую, нестерпимо хочется потерять. Взять ластик и ширк-ширк!

Шляпка пробирала кондитерским совершенством. Содрать или черкануть лезвием под корень, во рту покатать. Прежде точку убрать.

Яша вздрагивал от собственной мысли. Следовало держать себя в рамках. Она твердая, мясистая. Лучше отварить. Хмуро косился на бедную, виноватую женщину, своим крупом сдерживающую поползновения к надписи на дверях «Не прислоняться». Встряхивался, прогоняя гипнотическую пелену, видел, не один он, кипящий. Сзади ему дышал жареным луком в ухо, рыжий с пластырем на шее, в старомодных клетчатых штанах-трубах. Шипел: «Иди уже!» Бабуля подталкивала внука. Упирался. Надо, надо, надо! Дружно желали смерти друг другу, вталкивались и мчались.

От утопленников, выносимых на перрон толчеей людских приливов, задники ботинок не спасались. Они тут же отбрасывались полдневными хвостами ящериц, отрастали вновь, отваливались через минуту. Раздражаясь, хлопал себя по карманам в поисках револьвера. С сожалением вспоминал: никогда не пользовался огнестрельным. Ненавидел скотобойни, ловлю рыбы на крючок, охоту. Мясное

уважал. Покупал с супермаркетах субпродукты. На резонную мысль о том, что приготовленное прыгало когда-то живым, кто-то вынужден убить беднягу и сделать из него котлетины,*** оправдывался по аналогии: я де, портняжничать не умею и не люблю, однако одеваться красиво привык. Для всего есть специально обученные люди.

Грохнуло, грянуло. Вагоны перетрясло. Попали в тишину, где жизнь предполагалась. Стекловатное облако. В нем только плыть. Движения плавные, бежишь ли, идешь. Кожа лоскутной колючестью, натянутая на невидимую, прочную леску, повисла до кадыка. Глотание слюны вперемежку с собственной кровью. Звонил по виду школьник с ранцем за спиной, в серой толстовке с наброшенным на голову капюшоном, каждое слово обозначал хриплым клокотанием ржавого, неисправного смесителя:

– Мам! Бульк! Нет! Кхиш. Бульк! Со мной хорошо. Бульк! Кровь горлом...Кхезижш.

Женщина пыталась поправить джинсы. Их сорвало до колен. Обнажился пупырчатый, бритый лобок. Другой парень в бейсболке с бескровным удивлением разматывал пряжу коричневатых кишок. Опьянев от зрелища, падал, поднимался, покачивался, валился. Вытащил складной нож. Надо помочь человеку. Обрезать пуповину страданий и прервать утомленные поверхности с разветвлением клубка капилляров. Парень справился, разложил на руках петли священной плащаницей, торжественно понес к выходу. Яша не знал, куда правильнее двигаться, последовал за подранком, мимо конечностей, вывалившихся разбитой поленницей на середину зала метро. Вынырнул мужчина с ребенком на руках. Судя по чистой одежде и бодрому настроению, появились позже. У новоявленного были длинные, сожженные перекисью волосы, заправленные женской резинкой в хвост.

– У, душегубы! – беспрестанно кричал он.

Бесполое дитяtko с безмятежным лицом непальской богини, тыча пальцем в человеческие останки, «гуливанило». Мужчина ще-

котал его пальцем меж ребрышек и подбрасывал, оно закрывало глазки от удовольствия и похохатывало, визжало сорванной болгаркой, раздражая уцелевших пассажиров и зевак, цеплялось пальчиками-крючками за прохожих, мешало беззаботно снимать апоплексический антураж бездействия, всеобщей растерянности на мобильные фото и видеокамеры.

– Ведите себя прилично! – сделала замечание семнадцатилетняя девушка, наводя фокус почетче на человеческий суповой набор.

Стоявшая рядом с молодой девушкой, женщина, в нарядном вечернем платье, с бусами и огромными клипсами, толкнула странную пару:

– Отойди, юродивый! Закрываешь виды!

– Душегубы! – жутко заорал в ответ.

Выползали потравленными насекомыми умирать наружу. Сто лет в ожидании машин скорой помощи. Тот самый в американской кепке с надвинутым козырьком на глаза, сдавал курс молодого бойца: преодолел по-пластунски не один десяток метров, хотя его удерживали, умоляли потерпеть. Яшу настигла вторая мутная волна желания перерезать мученику горло, но удержался, не был уверен, что и после не будет ползать, вздрагивать, плакать. В тайге довелось наблюдать. Лисица задавила косого. Сжала челюсти и несколько раз встряхнула, заяц повис мягкой, благодарной игрушкой. Яша переживал. Люди не умеют безболезненно умерщвлять.

Страх, заключенный в решетку сознания, вырвался буйным сумасшедшим, выгреб наружу пластилиновую кашу скромного утреннего перекуса, разгромил остатки бывшего хладнокровия и достоинства. Била дрожь. Не мог согреться. Кое-как справился с молнией и всеми застежками на куртке. Поднял воротник. Поймал себя на фразе, повторяемой скороговоркой:

– Отче, наш... Отче, наш... Отче, наш...

В голове же, параллельно популярной молитве вертелся дерзкий, привязчивый припев глумливой песенки:

– Арам Зам Зам, Арам Зам Зам, Гули Гули Гули Гули Гули Рам Зам Зам...

Сойдясь с таксистом в цене, достойной разве иностранных космических туристов, очутился в гулком, необустроенном фаэтоне. Понял, отчего замерзал. Куртка, рубашка под ней, джинсы, матерчатые вставки на кроссовках в мелких, частых отверстиях. Некто изготовил огромный дырокол, продырявил одежду.

С женой не встречался ни намеренно, ни случайно. Оставил в другом городе. Разговаривал умозрительно, сонно, расслабленно, по пути на работу. Теперь благоверной было чересчур много. Тоскливо улыбался внутренней диалоговой пустоте. Ближние, тем паче, дальние окружения интересовались ими. Со дня на день ожидали увидеть вместе. На опасные вопросы, изламывался, сидел ли, стоял, не важно, искривлялся старой опрысканной деревяшкой; сколько не храни от вредителей, принудительно не опыляй, плодов не добьешься. И те, кто спрашивали, подозревали сколиоз ли, сутулость, чувствовали себя некомфортно, понимали: удачней и к месту смотрелось бы даже «не грызи ногти». Неудобно за Яшу. Отвечал невнятно, словно простудился. Однажды выдал на даче у товарища. Собрались втроем на день Победы.

Каждый из них решил отомстить целому миру по-своему. Оказалось: мстить в одиночку, адресно, штучно – тяжело, затратно. Они встретились и, объединившись, сообразили: в складчину, оптом – проще, дешевле.

Яблони в цвету, соловьи полночно заливались, серенькие, им только пением призывать самок, не то, что третьему собутыльнику, разукрашенному в грудь гордыми пролетарскими вождями. Дача давно чужая. На жену переписана, а у нее с десятков лет в паспорте «расторгнут...», пропадал в автоматах «Банго» или с иным звучным

названием, где можно бесплатно Цыганкову послушать, проглотить гастритный бутерброд с тошным кофе. Порой, проиграется, идет заниматься, а ему: «Эй, Степа! За прошлое, верни!» Степой и был.

В квартире не было Яшиных вещей. Подчищено. Убрано. Почаще дома надо бывать. Она, бочком, по стене, прижимая руку к левому предплечью, ощупывала тонкую ключицу, похватывала саму себя за горло слегка. Походила на заботливую суку бережно обнюхивающую, покусывающую копошащийся помет, удостоверяясь, все ли щенки здоровы и на месте. Яша хотел откровенного разговора. За многие лета совместного житья заслужил. Хорошая, плохая ли вещь, она всегда несет элемент неожиданности, страшит неопределенностью. Медленно вязнешь, не знаешь, до каких пор погружаться придется. Между тем фанатично, необъяснимо уверен: твердая почва должна быть. Где, когда? Нина долго мялась, отмалчивалась. Открывалась постепенно, непоследовательно, как бывает, начинаешь доставать из безразмерного кармана всякое, пока не доберешься до нужного. Выброшены бумажки с рабочими телефонами и адресами, просроченными пометками «зайти», «не забыть», «позвонить», мелочь (кто придумал желтые десятикопеечные монеты?), сломанный брелок от прежних ключей, связка этих ключей (дверной замок сменили), пластиковые дисконтные карты, бланки почтовых переводов, бумажник, сломанная сигарета «Кэмэл», шелуха от семечек вперемешку с шерстью отсыревшего табаку. Застываешь, перетряхиваешь на ладони кучерявый, жухлый крап, удивляешься. Откуда, взялся мог? Не пробовал, не баловался даже! С досады за порог выметешь, отряхнешься. И дальше по внешнему кругу жизни двигаешься, в сердцевине мысль недоуменная ворочается. Ты забиваешь, заталкиваешь, она вылезает: не курю ведь! И мучаешься, боясь выдать кому-либо глупые переживания. Исподволь проводишь собственное расследование разжалованным Коломбо: в углу рта зубочистка, косишь глазом туда-обратно, еще больше раздражаясь от привязчивой мысли, свербящей испуганным комаром. Всю ночь отбивался. Оба выдохлись. Комар питит в надежде вырваться из глухого прямоугольника комнаты, ты – соснуть до скрежета будильника. И все-таки упорно доискиваешься, подозревая всех вокруг, пока не откроется

настолько простое объяснение, что испытываешь стыд и разочарование, чувствуешь — обманули! Знать бы обманщика! Приятель с одноименной пачкой не в счет. Тычет пальцем, гогочет, поминутно спрашивает:

– Правда, ничего не помнишь?

На твое растерянное покачивание головой, ржет еще больше, Ты сам его позвал накануне. Выпили, раскурили косяк. Причем ты принимал деятельное участие по приколачиванию травки, перепортил пол пачки. Сунул руку в карман на автомате, сорвал с предохранителя растерзанную сигаретину и забыл. Через пару недель понадобилось нечто, пришлось перетрясти карманы, она рванула. Обычно забивают в гильзы с живописным изображением ударной сталинской стройки.

Опять же, зачем, если простой табак противен? По пьянке, убеждаешь сам себя. И все равно, не могло со мной случиться! Прimitивное объяснение не смиряет тебя. На протяжении нескольких месяцев, ты прокручиваешь события давно минувших дней, восстанавливая по кускам разрозненные отрывочные пазлы, один не подходит, как не крути. Сдаешься. Накапливаешь годами неувязки, глупые поступки. Не совершал! В веселой компании прихвастнешь, а со мной... Будь спок: у других, похожих историй – уйма! Передел брюки, купил новые, не важно! Тебя еще долго преследует табачная вонь, зудит бедро слева, где был тот неподъемный карман, душу терзает сомнения, хотя давно разрешены и забыты.

Нина бродит по комнате среди голых стен, глиняных горшков с денежным деревом. Вечный ремонт. Фотография в рамке под самым потолком. На ней мы на одном из бесчисленных, покоренных перевалов, в лучах солнца через дышащие, острые камни. Остановилась у окна, крепко схватилась за подоконник, боясь оступиться, упасть.

– Послушай, похоже, нашла меня беда...

– Что? – спрашиваю я, и не могу понять.

Она издевается надо мной! Песню поет. Она просто поет песню!

За все восемь долгих лет мне никогда ничего подобного не говорила, если не считать: отольются кошке мышьи слезы! Неужели из ничего возник нахальный вор, укравший мою судьбу? Или вынашивался мной все эти годы, пока я чертил коды химических формул, выдумывая универсальное лекарство от всех болезней для человечества, вместо того, чтобы греть супружескую постель? В итоге ничего не добился, кроме хорошей мины в плохой игре, разорвавшей меня в клочья, осколками изуродовав правдивые зеркала родственников. Они темны. Идут стороной, не заговаривают, глядят в сторону. Мимо нищего можно пройти, медяк бросить. Возвышенно стесняясь подлой жалости, очиститься. Протираю пол локтями, коленями, давлюсь солью слез, прошу отменить свершившуюся казнь без меня, командировочного, заочно. Ты относишься к женщинам, выживающим повышенное внимание, секс по требованию. Понимаешь, на краю отношений, я продолжаю тебя желать.

Скинула рубище, жертвуешь телом-подаванием. Щуришься брезгливо. Шепчу, втискиваясь в узкое, упругое влагилице: «Ты есмь хлеб». Не могу остановиться. Заложник животного инстинкта, переживший лютый месяц невыносимого воздержания. У тебя появился повод для мести, не для нее ли терпела? Последний всхлип, отваливаюсь к стене. Боюсь повернуться и встретиться лицом к лицу. Теперь, когда получил, насытился, начинаю ненавидеть, не прощать себя. Позвони Домирчику, слышишь! Я должен заплатить.

Позвонила. Приехал. Уверенный. Наглый. Дозволено. Я с ним до последнего пытался разговаривать. Вскоре потерял чувствительность, воспринимал монотонным стуком в фанерную общежитскую стену. Сосед напился. Его мутит. Егозит на кровати. Встать и проветриться до белого фаянсу, сил нет. Крутит мельницей руки, ноги, пытается лежа сохранить равновесие. Нахожусь с другой стороны стены, слышу с определенной периодичностью глухие, методичные, одинаковой силы удары.

В сознании. Удерживал в памяти историю о Нинином отчине. Он ежедневно заставлял обрывать лозину. Готовил розги по собственному рецепту. Вымачивал в горчице, чесноке с солью. У него и расценки имелись. За различные проступки, определенное количество

ударов. Список их постоянно пополнялся, каждый день вывешивался в ее комнате. До тех пор, пока Нина не подросла, не разбила ему голову хрусталем. Я терпел, выдумывал рецепт, по которому он готовит наказания для моей дочери. Хватит ли у нее смелости разнести об него что-нибудь из домашнего сервиза? Этой мыслью и выстоял.

– Тоскуешь?

Вопрос застал Якова врасплох. Шумно задышал, вынырнув из прошлого, в неловкое, до лихорадочного озноба настоящее. Выдал себя с головой! Осматривается. По периметру дачного участка волосяным гребнем воткнут миниатюрный заборчик, сдерживает от разбега почву, опоясывает старые, кривистые, рябые яблони, напоминающие бабок на богомолье. Облетают на ветру платки с седых, разбитых верхушек, но прибывшие поклониться святым мощам расположены кучно. Наученные, затягивают узелки потуже, готовятся сорваться в прощальный полет позже. Зелень преет под целлофановой пленкой. Степан с лопатой охотится на вездесущие одуваны. У гаража, опутанного чуткими прядями дикого, зернистого хмеля, доходят на углях румяные куски курицы. Бетонированные дорожки ведут неверными нейлоновыми стрелками к дачному домику, обшитому вагонкой и выкрашенному в ядовитый, йодистый цвет. Напротив, под полосатым осиным навесом, голый по пояс, разлегся на столе Лазарев. Подперев чумную голову, задумчив. Испещренный татуировками, выглядит газетным агитационным листком «Правды» времен гражданской войны.

– Нет. Боюсь думать. Иначе, неуютно где-то у сердца. Не боль, а вроде корочку с подживающей ранки содрал, – врет Яков.

Он до сих пор напряженно соображает: проговаривал ли вслух свою историю или часть ее, и насколько друг внимательно слушал. По выражению пьяненького, обветренного рыла угадать невозможно.

– Любишь! – неохотно с надывом на шипящую, делает вывод Лазарев.

– Шиш-шиш-ш... – выхватывают дерева.

Пригибаясь, кладут поклоны под свежими порывами рискованного весеннего ветра, трясут белыми, душистыми гривами.

Яков хоронит в неразменном кармане еще одно необъяснимое происшествие.

Наблюдателем по жизни слыл. Работал ли, отдыхал ли. Вживался. Пухлая трудовая у работодателей вызывала недоверие. На последних собеседованиях не скрывал. Надоело. Приноровился, воткнулся в суть, уволился. Скучно. Лишь однажды его раскусила кладовщица. В то время величали Яковом Даниловичем, в клубе, где был ведущим тренером, правой рукой коммерческого директора. Ты, говорит, Яша не в том месте, не в том мире обитаешь-находишься. Ясень-трясень – в ЭТОМ! Они-то и знакомы были пять минут, он приехал с корешком на склад винзавода, водки на свадьбу взять.

В горы детей водили. На хозрасчете сидели. Клуб «Альпиненок». Тем и выживали в девяностые. Провожатым работал Володенька, сорокалетний кряж в звании Снежного Барса с тупым, спокойным, лосиным выражением лица, по прозвищу Конь-башка. Не повезло Володеньке, где-то на одной из вершин Эвереста оставил раскрошенную головку бедра. Заменили металлической. По слухам, пришлось все звания, медали и отличия в ломбард снести; шрамчик неровный виднелся на уровне почки. Излишней подвижностью отличалась искусственная часть бедренной. Не гулять больше Володьке в хэдлайнерах, не покорять скалистые неуступы, не заносить рекорды первопроходок в активы. К нам, неудачникам прибился. В инструкторское рыгло. Изошренная изворотливость сочленения подвела. На склизком от утренней мороси камне, поскользнулся, покатился «марио» собирать бонусы лбом. Попал в «гейм овер» гуттаперчевой куклой. Вокруг ни пятнышка крови, сухо. Вчетверо скрутили, словно половик из прихожей. Вытряхнули в рюкзак двадцатилитровый, почву помягче нашли. Могилу на ладонь вглубь выцарапа-

ли, камнями мелкими присыпали, а поверх валуны. Из долины трав душистых, цветов принесли. Укладывали эдельвейсы, маки (алые, подумать страшно, на высоте двух тысяч метров, откуда они?) и болезно-боязно посмеивались. Не любили Конь-башку за излишнюю требовательность (в горах излишней не бывает), за соблюдение строгой дисциплины, за экономный, но разумный расчет продуктов, за длительные переходы в связках. Поэтому живыми остались. Один сорвался, на веревке повис. Вытащили заводилу. Присмирел, Володьку поблагодарил, владел собой пристойно без поколачивания слабейших. Радовались дети. К вечеру вытащили водку. Володенька запрещал. Отыскали где-то под перевалом выгоревший череп лошади. Много падших. Буряты на них за мзду перевозили туристов и грузы. Бросили в ноги Конь-башке, давай хороводы водить. Яков Данилович из спальника не вылезал, поглядывал вполглаза. Володеньке все равно уже было, и ему вместе с ним, а детворе, пьяненькой и диковатой, страшно-весело.

Привел цыганку без роду-племени! После шелковых, постельных сцен бутерброды с икрой и сыром, початая бутылка красного «Резерв Де Принс». Опутала липким, намазюканным взором дом, придушенно оценила:

– Дельная мазанка!

Просчитала, представляться будущим родственникам преждевременно. Пусть Яков расскажет о ней кулуарно. Прежде должна примелькаться на заднем плане. Даже этого для них окажется весьма много. Видала сговорчивей на позднем сроке.

Мать Якова – неглупая, поверхностная дама, оставила курортные палестины, сразу скумекала: спокойные, глубокие тылы могут польхнуть передовой. Под «острым животом» стоит подразумевать не только отравление незрелыми фруктами. И думать не надо, медицина покажет, анализы не соврут, лаборантского стажу хватит. Материнское сердце чувствительней всякого оголенного нерва.

Для ведения серьезных разговоров на тему вредной сердечной привязанности Яши, выстраивался шаткий ряд из разнокалиберных стульев, ведущих к дивану сына. По вечерам Яша имел обыкновение валяться и читать книги. От скуки умело заводил воображаемые диспуты с известными писателями. Ему по силам опрокинуть любую философию суждениями другого автора, а этого – третьим и так по цепи в n-ой степени. Если кто-то и мог возразить, то воспитанно, тихо, ожидаемо. Число литераторов порой, возрастало в геометрической прогрессии, Яша сбивался, кто кому что сказал. Авторы, чувствуя слабину, поднимали галдеж. На помощь приходил Яндекс. Вытряхивал пыльных классиков на миллионные ссылки.

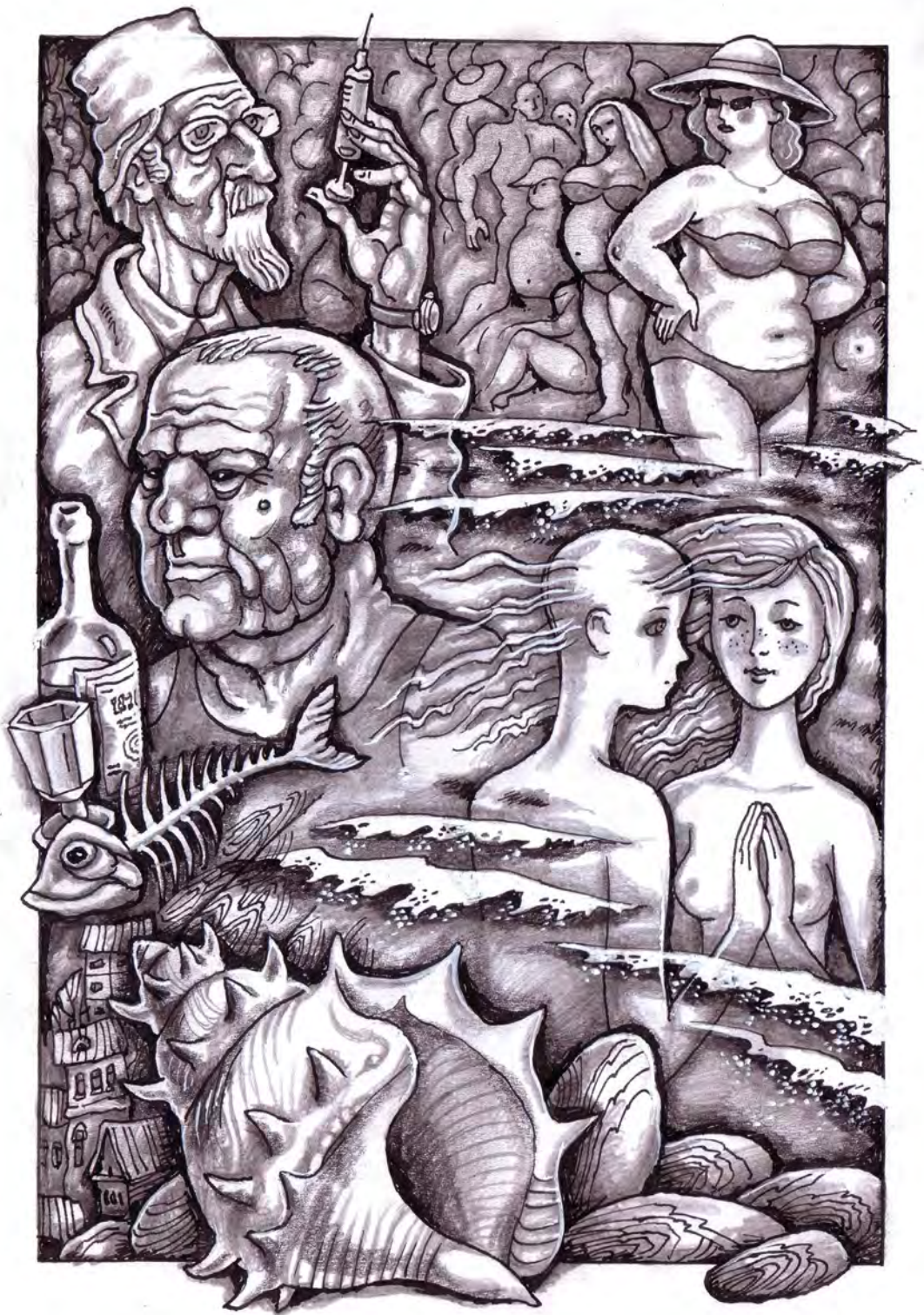
Наступление начиналось с многодневной, молчаливой осады. Первый стул – легкое рыболовецкое седалище из Вьетнама. Если в разобранном виде, то куча бамбуковых палок различной длины и обрывок, скрученной в бечеву лианы. Удобно проносить незаметным. Второй, обшитый сиреневым ситцем, с рельефными, резными купидонами, шишковатыми утолщениями по краям каркаса, работы неизвестного краснодеревщика начала XX века. Третьим в этой спасительной переправе через пустыню соленых насмешек, был коротконогий, изогнутый гордым журавлем с мягкой арабской иноходью по зеленому атласному полю. С него велись вялые переговоры, больше похожие на переключку заплутавших грибников. Следующий высился останкинской телебашней в духе современного минимализма для барных стоек. Редкие, робкие, короткие фразы задумчиво разминали языком, пробовали на слух, лениво ворочали с боку на бок подгорелыми оладьями. Завершала хрупкие, понтонные мостки жесткая, неудобная, кухонная табуретка, приобретенная позже остальных. Носила следы грубого практического применения. Не числилась в коллекции Данилы Ивановича, сменившего к тому времени мебельную страсть на безбедное похмелье. Обсуждение потенциальной невестки заканчивалось обычно глубоким кожаным креслом в изголовье сына. Дряблое тело женщины, расписанное варикозными созвездиями, в белоснежном байховом халате, выпирало подгулявшим тестом на широкие подлокотники.

Оказавшись рядом с Яшенькой, мать чувствовала себя еретичкой, примеряющей испанский сапог. Забыла Рида Власовна, что перед ней уже не Яша, а весь Яков Данилович Краснобаев. Глухаря на току бить легче. Увлеченный красноречием, подпускает на неприличное близко. Чуткая Рида не кремниевая Брунгильда. Ей быть вровень с сыном означало добровольную сдачу Голанских высот. Сначала институт, инженерия. В ответ Яша отмахивался, забирался с жестоким выводком альпинят повыше в горы, изредка Нинку цеплял. Происходящим на тамошних джомолунгмах, ведали скупые сводки МЧС. Риде оставалось задрать планку возможной угрозы ранней женитьбы до красного уровня и ожидать лавины или наводнения.

* *homo novus extremus* (лат.) – человек без роду и племени, крайних взглядов, не терпящий компромиссов, маргинал

** ...*sinn fein!* – укороченное «мы сами!», лозунг ирландских националистов

*** Кизи Кен «Порою нестерпимо хочется...», Лениздат 1991 стр. 377

Глава 2. Теплый угол

Каждодневное, будничное катилось комом, между прочим. По рабочим дням в микроскоп поглядывала, исследовала посевные на желатине, опустошала продуктовые магазины. По выходным – к подругам на юбилеи. И чем дальше, тем круглее даты, тем дольше и тщательнее приходилось готовиться у трельяжа, в закуте, отрезанном от всего остального мира, пластиковой трехстворчатой перегородкой для переодевания. Уютом и живой человечностью дышал он, вклинивался теплым, неряшливым куском в стройное, математически выверенное расположение мебели и вещей вокруг, напряженную больничную чистоту комнат и парадность прихожей. Кокетливо обвисали мамины платья и небрежно вывернутая наизнанку ночная сорочка. Порой попадались несвежие бюстгальтеры и чулки, исходившие прокисшими французскими духами польского производства. Сюда тайным эротоманом проникал Яшенька. Стыдливо вдыхал запретные ароматы. Командовал армией пузырьков и тюбиков. Смешивал хну с зубным порошком. Нанизывал на капроновые нити янтарные бусины с кромешинками внутри, любуясь на доисторических, зябнувших мушек. Набеги, бывало, замечали, побивали португеей. Оставаясь один дома, каждый раз искушался. Еще любил, манипулируя зеркалами, точно гиперболоидом Гарина, уловить яичный желток солнца, утопить его в белобрысой, спутанной макушке. Плешка! Неровная, вытянутая, по контурам. В миниатюре расплывчатый Крымский полуостров. Земля предков! Прохладный поводырь ранних воспоминаний пробирался в заброшенные архивы памяти.

Светает. На чердаке среди бутылей самодельного виноградного переброда, спрятана в массивном серебряном окладе старинная икона. Лики святых задумчивы и тревожны. Со двора слышны редкие, глухие шаги. Кто-то чужой топчется, не решается войти внутрь. Это сыплются переспелые абрикосы. Желтеют на рыхлом глиноземе медовой, волокнистой мякотью. Ближе к обеду отберут

самые цельные и крепкие, остальные по углам размечут. Муравейник у веранды, где потрескалась и осыпалась штукатурка, давно ожил. Его обитатели выстроились в цепочку, спешно перетаскивают безликие коконы, похожие на рисовые зерна. Под порогом скребется мышь. У соседей занялись собаки. Дядя Паша собирается на рынок торговать мохнатым, бордовым персиком. В малиннике горячие, алые росы вспыхивают с мизинца. Возьмешь три, рот полный, и языку не протолкнуться. Захлебываешься сладким до приторности соком. Солнце на востоке лениво выбирается из яблоневых колхозных садов.

Теперь Яше открылось истинное предназначение многочисленных париков и шиньонов! Отчего мама прячет свою плешь? Он примерил один медного цвета, похожий на разоренное гнездо трясогузки, вившей из года в год в дуплах старых, перекрученных осин прямо за домом. На него глянул римский профиль испуганного мальчишки с темнеющим мочалом чужих волос на затылке. Равнодушная однобокость бритого призывника, обезличивающая любую индивидуальность, досталась ему по наследству. При встрече с Яшей у преданных маминых товаров сыпались из рук авоськи, летели наземь кастрюльки с супом, просительного вскидывали челками: будущий цезарь не проходи мимо нас! Данила Иванович обладал точенным, ровным, крепким носищем, резкой волевой линией бодбородка, вялыми, влажными губами, близко посаженными глазами. Казалось, взгляд никогда больше не сможет быть устремлен вдаль или ввысь, а недалеко, коротко, прямо перед собой. С возрастом полнота сгладила приятную рельефность, превратила Данилу Ивановича в пародию на Депардьё-старшего. Семени его хватило, чтобы искривить горбинкой, разбить бороздкой сыновний носишко на две вершины, приговорив Яшу к раздвоенности и непостоянству в характере. Посмотреть в профиль – он был четкой, неискаженной, уменьшенной копией Данилы Ивановича без возрастных наслоений и приобретенных пороков, разве полоса рта тоньше, очерченной, жестче. Залысина, у отца в том же месте, круглая размером с пивную крышку. Объяснял ее происхождение увлечением классической борьбой в молодости. Приходилось качать мышцы шеи, выгибать

спину мостиком с упором на голову, бросать соперников через себя. У Яши – последствия внутриутробной инфекции. Спутаны ручки, чтобы не царапался, не раздражал воспаленную кожу. Мажет Рида затылок, лоб, шею зеленкой. В прадеда, кулака-еврея-мельника, за свое, нарочно сожженное, богатое добро, у цветущих кувшинкой прудов, где в жирный чернозем, хоть палку воткни – зеленеет, захмелевшая от крови, лихая голытьба не промазала.

Оставили молодую вдову с девятью ртами в доброй хате из крымского ракушечника и припрятанными козой на задах огорода, мешком картофеля, двумя десятками яиц, церковными побрякушками наверху у слухового оконца в соломе за четвертью домашнего вина. Двоюродная тетка из продотряда, рискуя, за день до раскулачивания предупредила. Спасаясь от голода бежали в Москву. Из детей одна Мария выжила. Выслали во Владимирскую область. Там у Марии Рида родилась. Встретилась с Данилой. Ему, авиаконструктору дали работу и квартиру, в одном из научных городков Подмосковья. На лето-сень переезжали в старый, здоровущий домище, пожалованный властью позже.

Яша у мамы допытывался. Рида Власовна притворялась глухонемой. Пожарить капульку? Яичница на языке пятилетнего. Иди, погуляй, убираться буду! Непонятное упорство добавляло таинственности, раззадоривало. После слезопролитного стояния под столом, взял изнуряющим ревом. Брошено в сердцах:

– Идивот! Краской сожгла!

Но Яше мало этого объяснения. Нельзя краской сжечь! Он идет к себе в комнату, открывает коробку с акварельными красками, брызгает водой, обмакивает палец, осторожно пробует на вкус. Мажет волосы. За ужином семейство дружно катится над иссиня-желто-лиловыми переливами. Яше не смешно. Для себя уяснил: неспроста тем или иным образом, явлены одинаковые отличительные знаки семьи Краснобаевых. Может от того неприятности? В субботу перемешал рис с гречкой. Поставлен в угол. В детском саду дубина Кравец из подготовительной группы пнул. Маме опять не дали отпуск

летом, вместо нее пойдет заведующая химлабораторией. Придется отдыхать врозь. Они целый день ругались. Папа называл маму жохлой отпускницей, она его – мнительным ходоком. Яша спросил у отца, почему «жохлой», Данила Иванович зло пояснил:

– Жохают ее без моего присмотра, всякие!

Про ходока объяснять не стал. Мама убежала в соседнюю комнату, хлопнула дверью так, что с потолка осыпалась штукатурка. Отец с сыном, изумившись, окаменели в белой кафельной дымке, верно, ожидая ключей от рая. У Самуилы плешки нет. Она не в счет, сводная сестра Яши, дочь от первого брака Риды Власовны. Яков многое видал и подслушивал в закуте, да и отношение к ней Данилы Ивановича иное: чужая она ему.

Лет через шесть-семь обозначилась следующая метка семейства Краснобаевых: ею страдал римский император Корнелий Сулла. Проклятие появилось вдруг, неожиданно темным, декабрьским утром.

– Очень вегетативный мальчик, – задумчиво произнес давний мамин знакомый доктор, простукивая молоточком нервные узлы – Зимний тип заболевания, советую летом на море, – намеренно скорчил потешно лицо, весело подмигнул Яшиной маме, как дурак-паралитик.

Заведующая уступила Риде Власовне лучшее отпускное время за небольшую, но хлопотную услугу: оставила им в нагрузку свою четырнадцатилетнюю дочь-дылду.

Море перекатывалось упругим зверем, поигрывало мелкой галькой. Бросало в широкие ладони светлеющих барашков пенистую муть, очень похожую на ту, которая остается после стирки белья. Яков боялся: заплыви далеко за буйки, выпучится из морских глубин Невиданное, поглотит его. В зыбкой ряби воды мерещились неясные шевеления. Мальчик десятки раз проигрывал воображаемую схватку. Переворачивался на спину, с облегчением понимая: этому

никогда не бывать. Фантазия. На берегу мельтешили люди. Они бесконечно выкладывали то полотенце, то студенистый кусок куриной голени, то журнал или газету, то крем для загара. И так до остывающих, подслеповатых сумерек. Где-то там, в груди лоснившихся тел должна быть Нелли. Яков с удовольствием представлял, как он выберется на сушу, подкрадется, бросит Нелли на голый живот вместе с горстью солоноватых капель колючего краба. Она вздрогнет. Заполочутся рваными флагами на ветру выгоревшие с позолотой волосы. Рида Власовна окажется рядом, но Яков приластится к ней:

– Мамуля, ну, мамуля! Видишь, мы забавляемся!

Она рассмеется, притянет его к себе. Яков, прислонившись к родительнице, вспыхнет. Застесняется розоватой в родинках складчатости, отпрянет в воду. Нелли за ним. Замрет у кромки прибоя, потом неохотно шагнет вперед, заберется по самую грудь. Яков поднырнет, осторожно коснется упругой ягодицы. Девушка притворится. Ничего не заметила. Не сговариваясь, поплывут вместе к нагромождению камней. За острыми выступами на мелководье блещут перламутром пупырчатые раковины. Их выстроят в ряд, будут подмечать мельчайшие различия, оттенки. Подростки посплетничают о школе, учителях. Паузы между разговорами все более продолжительны. В синеву глаз досыта не наглядеться. Третий день прячутся в укромных местах, украдкой неумело целуются. Нелли поопытней, подучивает Якова. Впервые смешно вышло. Зубами стукнулись. Рида Власовна не перестает удивляться: даже губы обгорели до кровавой юшки!

Разлягутся на разогретых окатышах. Девичьи завитушки разбегутся по тонкому мальчишескому предплечью. На душе тепло, благостно. Мальчик вспомнит, как прошлым летом болел корью. Пропало лето! Температурил, бредил. Его положили под цветастым ковром с нарисованным на нем носорогом. В окно настойчиво царапался орешник. Ветер выкручивал наизнанку листья. Солнечные блики набегали урывками. Чернокожие охотники выслеживали зверя, плутали по узорам синтетики. Запомнился шприц в белом

халате, отцовское: «Терпи!» Верно, надо крепиться, пока не загонят разъяренное животное в западню. Озабоченные, родные лица склонялись над мальчиком, плавно перетекали в глиняные, охряные маски. Вечером Якова госпитализировали. Когда он вернулся домой, угрюмый носорог непобедимым пятном шурился на прежнем месте. Длинные, подвижные тени загонщиков пропали. Стояла поздняя осень, орешник давно гол.

Волна от пролетающей мимо моторки захлестнула Якова. Судорожно откашлялся. Оглянулся. Оранжевыми точками поколыхивались пластиковые бочонки. Он развернулся, вразмашку заторопился к лежакам, зонтикам, говорливым дымам шашлычек и прохладным мороженицам.

Данила Иванович решил лечить Якова своим способом. Марш, в спортзал! Боксерские перчатки. Окреп ох, окреп, парень! И техника есть, и сила. Призовые места мешала занимать противная мягкость к противнику. Жальчегом прозвали товарищи-спортсмены. Напоминало унижительное: зайчик. Не было у Якова природной злости. Всплески случались. Кратковременные, слабые. Вредили ему. Выматывался на тренировках. Ненавидел тренера и спаринг-партнеров. Бить человека по лицу, как в песне, не научился. Тянущие боли в спине остро вываливали крепкий сон на обочину ночи, сделав слепую черноту нудным ристалищем дня, отравленного тычками и презрением сверстников. Рентген показал врожденную мутацию по мужской линии: расщепление позвонка в нижнем отделе позвоночника.

– Батя виноват! – всюду мамин хороший, знакомый доктор!

Сколько помнил Яков, этот сутулый, высокий человек, напоминающий худым видом единицу в дневнике по алгебре за девятым класс, всегда находился где-то рядом. Конечно, им занимались другие врачи. Тот числился специалистом по нервным или кожным заболеваниям, но отчего-то запомнился больше других. Их вердикты, выносились его голосом. То ли память обманывала, то ли Рида Власовна таскала к нему Якова по всякой мелочи слишком часто. Мы-

шечные связки неправильно крепились к расщепленным кончикам, при расслаблении мышц временно теряли эластичность, зажимали нервные окончания. Отсюда боль. Следует отказаться от спорта, тем более, ростковая кость на левой ноге ниже колена давала о себе знать.

– Вы, ведь не хотите, чтобы, когда закончился общий рост у ребенка, одна конечность была короче другой? – преследовал надоедливый домашний лекарь.

– Хлюпик! – буркнул Данила Иванович.

Поколдовал над пивом с водкой. Сотворил ядреный ерш. Оросил нутро.

Он все чаще окунался в тягучие, алкогольные грезы. Вглядывался в стакан-колодец. До дна никому не удавалось добраться. Иллюзорность милей реальности. В ней бровастый Брежнев лобызался крепче, заказов на оборонку больше. Следовательно, денег на разработку новых самолетов не жалели. Перестройку, отец обозвал перекуйкой, с буквой «х» на месте первой «к».

– Мишка-то, меченный! – шептались в народе.

Время выдохлось рубленными виноградниками. Прогоркло. На поверку оказалось просроченным векселем.

В домашней библиотеке, на верхних рядах хранились запрещенные книги. Влез на стремянку. Рядом с Камасутрой отрыл Черную Магию. Во всю обложку рогатый, козлиный череп, схожий с перевернутой кремлевской рубиновой звездой. Белеющий позвонок на рентгеновском снимке, с разведенными, клыкастыми отростками удивительно ровно повторял очертания. Третья метка окончательно убедила Яшу в своей уникальности. Осталось выяснить, чего особенного ему нужно совершить, чтобы отомстить за обиды всем одним махом.

Поддатый Данила Иванович сосредоточенно отодрал с рдеющего локтя слюдянистую пленку былой имперской власти, обратился к сыну:

– Я понял, слышишь, Яша? Нас слишком много на Земле. Надо бы уменьшить численность, пока не поздно. Но как это сделать? Не знаю.

Яков доел мороженное, брезгливо вытер руки о дефицитные джинсы, добытые по распределению, неприязненно сообщил:

– Без тебя разберусь!

Вышел из комнаты. Данила Иванович облегченно отвалился на спинку кресла. Пробурчал несусветное, белогорячное:

– Обезьяна улетела. Будем жить.

Через открытые окна влезла в дом осень. Прошелестела сухим, безбожным смехом по комнатам. С красного угла, заслоненная портретами советских вождей, укоризненно сверкнула золотом борода Николая-угодника.

Точку в сложных родственных отношениях поставила единственная, сохранившаяся дневниковая запись отца, оформленная не без художественного лоска, впрочем, без даты и пометок на полях, сделанная, по всей видимости, на работе.

Младший научный сотрудник Шикаев скользит взглядом по сетке кроссворда. Я освободил нежную электронику от защитного кожуха. Пробую попасть в разъем. Передо мной письмо от Якова. Одним глазом в створ целюсь, другим в бумажку кошу. Думаю, чудной все-таки у меня паренек растет, мог бы запросто наэсэмэсить. Шикаев пыхтит, влезает на стол, что на трибуну, рвет глотку:

– По горизонтали...!!!

– Не верно, – отвечают ему, – двенадцать букв!

Я натягиваю респиратор, беруши, пытаюсь спрятаться от Шикаева. Он усмехается, тычет пальцем, читает следующее задание.